ФИЛИПП К. ДИК

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

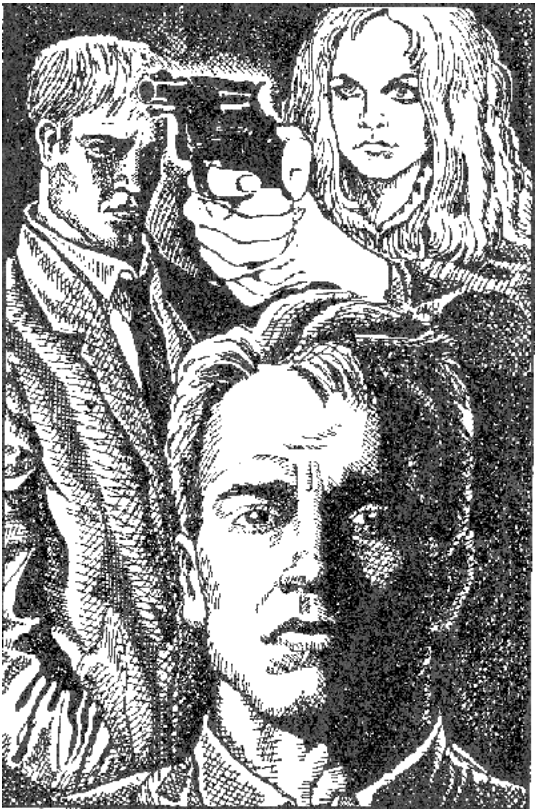
Вспомнить все
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филипп К. Дик. Вспомнить все

Аннотация

Что скрывается в глубинах памяти обычного человека, неприметного чиновника, рядового обывателя? Ради собственного блага не вздумайте узнавать это и перешагивать порог фирмы «Вспом. Инкорпорейтед»!

Филипп К. Дик
Вспомнить все

Он проснулся и... захотел полететь на Марс. Его долины... что бы он ощущал, если бы бродил по ним? Величие, бесконечное величие, мечта

все больше охватывала его по мере того, как он просыпался. Он чувствовал обволакивающее присутствие другого мира, который могли увидеть только правительственные чиновники да высокопоставленные особы. А простой клерк, как он? Никогда.

— Ты встаешь или нет? — сонно спросила его жена Кирстен, с обычным оттенком раздражения в голосе. — Если встаешь, то включи кофейник.

— Хорошо, — сказал Дуглас Куэйл и босиком пошел из спальни в кухню своей маленький квартиры. Там, покорно нажав кнопку кофеварки, он сел за стол и достал маленькую жестяную коробочку с нюхательным табаком. Быстро вдохнул его: крепкая смесь защипала в носу и обожгла небо. Но он опять вздохнул и дал волю своим мечтам, своим ночным желаниям и своим шальным мыслям, придав им теперь некоторую рациональность.

«Я полечу, — сказал он себе. — И прежде чем умереть, увижу Марс».

Конечно, это было невозможно, он знал это даже во сне. Но дневной свет и обыденный шум, жена, расчесывающая волосы перед зеркалом в спальне, — все это как будто нарочно напоминало ему, кто он такой. «Жалкий чиновник», — сказал

он себе с горечью. Кирстен напоминала ему об этом по крайней мере раз в день, и он не винил ее за это; на то она и жена, чтобы опускать мужа на землю. «Опускать на Землю», — подумал он и засмеялся. Этот оборот речи был здесь очень удачен.

— Что это ты хихикаешь? — спросила она его, влетев на кухню, а длинный фартук развевался за ней. — Спорю, что это опять мечты. Ты всегда набит ими.

— Да, — сказал он и выглянул в окно, где по улице неслись машины и спешили пешеходы. Через некоторое время он будет среди них. Как всегда.

— Уверена, здесь замешана женщина, — сказала Кирстен, испепеляя его взглядом.

— Нет, — сказал он. — Бог, бог войны Марс… а на планете Марс — великолепные кратеры, на дне которых есть растения.

— Послушай, — Кирстен наклонилась к нему, вид у нее был серьезный, в голосе исчезли язвительные нотки. — Дно океана — (нашего) океана, гораздо глубже и намного красивее. Ты ведь знаешь об этом; все это знают. Возьми на прокат скафандры с искусственными жабрами для нас обоих, попроси неделю отпуска, и мы сможем опуститься и пожить на дне океана на одном из

экваториальных курортов. Кроме того... — она замолчала. — Ты меня не слушаешь. А надо бы. Ведь есть же вещи намного прекраснее, чем это твое помешательство, твоя безумная идея насчет Марса, а ты даже не слушаешь! — Ее голос стал пронзительным. — Господи, Дуг, ты обречен! Что с тобой будет?

— Я иду на работу, — сказал он поднимаясь из-за стола, не дотронувшись до своего завтрака. — Вот что со мной будет.

Она пристально смотрела на него.

— Ты остановишься все хуже. С каждым днем все фанатичнее. Куда это тебя приведет?

— На Марс, — сказал он и открыл дверь шкафа, чтобы взять чистую рубашку.

Выйдя из такси, Дуглас Куэйл медленно перешел через три пешеходных дорожки, запруженные людьми, и приблизился к очень современному зданию, выглядевшему довольно приветливо. Затем он внезапно остановился прямо на проезжей части и внимательно прочел бегущую рекламу. Вблизи она выглядела совсем по-иному. То, что он прочитал было новым: Вспом. Инкорпорейтед.

Было ли это ответом на его мучительные поиски? Но ведь это просто иллюзия, не важно,

насколько убедительна, а все-таки иллюзия, и ничего больше. Хотя, по крайней мере, объективная. Но субъективно — совсем наоборот.

И все-таки у него назначена встреча. Через пять минут.

Глубоко вздохнув и наполнив легкие слегка закопченным чикагским воздухом, он прошел через ярко разукрашенные двери к столу секретаря.

В комнате сидела хорошо сложенная аккуратная блондинка с обнаженным бюстом. Она приветливо сказала:

— Доброе утро, мистер Куэйл.

— Да, — сказал он. — Я пришел, чтобы узнать о курсе Вспом. Думаю вы знаете.

— Не «Вспом.», а «Воспом.», — поправила его девушка. Своей гладкой рукой она подняла трубку видеофона и сказала:

— Здесь мистер Дуглас, мистер Макклейн. Ему можно войти? Или уже поздно?

В трубке что-то пробормотали.

— Да, мистер Куэйл, — сказала она. — Вы можете зайти, мистер Макклейн ждет вас.

Когда он неуверенными шагами направился к двери, она крикнула ему вслед:

— Комната Д. справа!

Сначала на какое-то время он запутался, но потом нашел нужную комнату. Отворив дверь, он очутился перед массивным письменным столом из орехового дерева, за которым сидел большой добродушный человек средних лет в одежде по последней марсианской моде: серый костюм из лягушечьей кожи. Лишь один его облик уже свидетельствовал о том, что Куэйл попал куда надо.

— Присаживайтесь, Дуглас, — сказал Макклейн, полной рукой указывая на стул напротив. — Итак, вы хотите получить воспоминания о Марсе. Очень хорошо.

Куэйл сидел, напряженно слушая.

— Я не уверен, что все это стоит того, — сказал он наконец. — Такие деньги, но, насколько я понял, я не получаю ничего.

(Это стоит почти что столько же, сколько настоящее путешествие, подумал он.)

— Вы получите настоящие доказательства своего путешествия, — возразил мистер Макклейн. — Все доказательства, какие нужны, я сейчас их вам покажу.

Он порылся в ящике стола.

— Корешок от билета. — Раскрыв скоросшиватель для бумаг, Макклейн достал оттуда маленький квадратик тисненого картона. — Это

доказывает, что вы туда ездили и вернулись. Почтовые открытки? — Он аккуратно разложил открытки со штемпелями на письменном столе. — Фильм. Кадры, которые вы сделали на Марсе камерой, взятой напрокат. — Он Показал их тоже. — Плюс имена людей, с которыми вы там познакомились, двести поскредов — цепа, которую вы должны заплатить за сувениры с Марса в следующем месяце. А также паспорт, квитанция со списком кадров, сделанных на Марсе. — Он внимательно посмотрел на Куэйла. — Вы сами будете думать, что там были, — сказал он. — Вы забудете нас, меня, даже то, что вы здесь были. В вашей голове останется лишь путешествие, мы вам это гарантируем. Воспоминания о целых двух неделях, самые подробные, до мельчайших деталей. Если хоть на миг вы засомневаетесь, что были на Марсе, можете прийти сюда и получить свою плату обратно. Вы поняли?

— Но я туда не летал, — сказал Куйэл. — И не полечу, не важно, какие доказательства вы мне представите, — он глубоко вздохнул — Я никогда не был тайным агентом Интерплана.

Ему казалось невозможным, чтобы сверхфактическая память, которая имплантируется во Воспом. Инкорпорейтед, сделала бы свое дело,

несмотря на то, что он слышал об этом.

— Мистер Куэйл, — терпеливо сказал Макклейн. — Как вы объясняете в вашем письме, у вас нет шансов, ни малейшей возможности, когда-либо самому побывать на Марсе, вы не можете позволить себе это путешествие, и, что еще важнее, вы никогда бы не могли считаться тайным агентом Интерплана или еще кем-нибудь в этом роде. Это единственный путь, благодаря которому вы можете достичь вашей заветной мечты, разве я не прав? — Он хмыкнул. — Об этом мы позаботимся. И наша цена вполне приемлемая, никаких дополнительных расходов, — он ободряюще улыбнулся.

— А что, эта сверхфактическая память так убедительна? — спросил Куэйл.

— Более, чем реальная, сэр. Если бы вы действительно были на Марсе в качестве тайного агента Интерплана, вы бы сегодня забыли очень многое; наш анализ подсистемы подлинной памяти — то есть подлинное воспоминание главных событий в жизни человека — показывает, что разнообразные детали очень быстро стираются из нее навсегда. Данные, которые имплантируем мы, закладываются в ваш мозг настолько глубоко, что ничего не будет забыто. Они закладываются

во время коматозного состояния и подготовлены людьми, прожившими на Марсе долгие годы; в любом случае, мы проверяем мельчайшие детали. Ведь вы выбрали довольно легкую сверхфактическую систему; если бы вам захотелось побывать на Плутоне или стать Императором Союза Внутренних планет, у нас было бы гораздо больше трудностей… да и цена была бы выше.

Вынимая из пальто бумажник, Куэйл сказал:

— Хорошо. Это цель моей жизни, и я вижу, что мне не осуществить ее в действительности. Соглашусь и на это.

— Не говорите так, — строго сказал Макклейн. — Ведь это не суррогат. Подлинная память со всеми ее провалами, неточностями и затмениями, не говоря уж об искажениях — это действительно второй сорт. — Он взял деньги и нажал кнопку на столе. — Все в порядке, мистер Куэйл, — сказал он, когда дверь его комнаты распахнулась и в нее быстро вошли два плотных человека. — Вы на пути к Марсу в качестве тайного агента Интерплана.

Он встал и пожал нервную влажную руку Куэйла:

— Сегодня вечером в 6.30 вы будете, м-м-м, прилетите обратно на Землю, машина доставит

вас домой, и, как я уже говорил, вы никогда не вспомните, что видели меня или приходили в эту контору: по сути дела, вы даже забудете, что когда-то слышали об этом учреждении.

Когда Дуглас шел по коридорам за двумя техниками, от волнения у него пересохло в горле. Все, что с ним случится, полностью зависело от них.

«Неужели я действительно поверю в то, что был на Марсе? — подумал он. — Что мне удалось осуществить цель моей жизни?»

Он интуитивно чувствовал: что-то будет не так. Но что именно, он не знал.

Это еще предстояло выяснить.

* * *

На столе Макклейна загудел аппарат внутренней связи с лабораторией, голос сказал:

— Мистер Куэйл сейчас под наркозом, сэр. Вы хотите провести операцию, или мы будем продолжать без вас?

— Да это ерунда, — сказал Макклейн. — Продолжайте, Лов; не думаю, чтобы были какие-то осложнения.

Программирование искусственной памяти о путешествии на другие планеты с дополнительным напоминанием (или без такового) о том,

что человек был тайным агентом, появлялось в рабочем расписании фирмы с монотонной регулярностью. «За один только месяц, — поморщившись, подсчитал он, — мы должны сделать двадцать этих… эрзац-межпланетных путешествий, ставших нашим хлебом с маслом».

— Как скажете, мистер Макклейн, — донесся голос Лова, затем аппарат отключился.

Войдя в комнату за кабинетом, Макклейн поискал пакет № 3 (путешествие на Марс) и пакет № 62 (тайный агент Интерплана). Найдя их, он вернулся к себе, удобно уселся и высыпал их содержимое на письменный стол. Здесь были вещи, которые должны быть помещены в квартиру Куэйла, пока техники занимаются имплантацией фальшивой памяти. Микротайник, миниатюрное оружие. Это самые большие предметы, подумал Макклейн. И самые дорогие. Затем передатчик размером с горошину, который можно проглотить, если агента схватят. Шифровальная книга, удивительно похожая на настоящую… эти модели были очень тщательно выполнены и максимально приближены к оригиналам, принадлежавшим американской армии. А также разные случайные вещи, не имеющие определенного смысла, но способные войти в рассказ о воображаемом путе-

шествии Куэйла, и совпадающие с его памятью: древняя пятидесятицентовая монета, неверно записанные цитаты из проповедей Джона Донна, каждая на отдельном листке прозрачной бумаги, несколько спичечных коробков из баров на Марсе, ложка из нержавеющей стали, на которой выгравировано «Собственность еврейской общины на Марсе», кусок свернутой проволоки, которая…

Загудела внутренняя связь.

— Мистер Макклейн, извините, что беспокою, но происходит что-то странное. Возможно, было бы лучше, если бы вы зашли. Куэйл уже под наркозом, хорошо отреагировал на наркидрин, полностью без сознания и поддается внушению. Но…

— Сейчас приду.

Чувствуя, что надвигается неприятность, Макклейн вышел из кабинета и через минуту уже входил в лабораторию.

На операционном столе лежал Дуглас Куэйл, медленно и размеренно дыша, глаза его были закрыты, казалось, что он слабо ощущает присутствие двух техников, а теперь и самого Макклейна.

— Нет места заложить фальшивую память? —

Макклейн начал раздражаться. — Выпадает почти две рабочие недели. Но ведь он работает клерком в Эмиграционном бюро Западного побережья, являющемся правительственным агентством, и поэтому, конечно, имеет или имел за последний год двухнедельный отпуск. Именно в эти недели и следует закладывать.

— Проблема совсем в другом, — резко сказал Лов. Он наклонился над столом и сказал Куэйлу: — Расскажите мистеру Макклейну, что вы рассказывали нам. — Затем, повернувшись к Макклейну, он сказал:

— Внимательно послушайте.

Серо-зеленые глаза человека, неподвижно лежащего на столе, сфокусировались на Макклейне, и тот про себя отметил, что они стали жесткими и приобрели то блестящее неорганическое свойство, какое бывает у полудрагоценнных камней. Макклейну не понравился этот взгляд: его блеск был слишком холодным.

— Вы разрушили мою личину. Убирайтесь отсюда, пока я вас не разорвал.

Он пристально смотрел на Макклейна.

— Особенно вы, — продолжал он. — Вы отвечаете за эту контроперацию.

Лов спросил:

— Как долго вы были на Марсе?

— Один месяц, — прорычал Куэйл.

— С какой целью? — спросил Лов.

Тонкие губы скривились. Куэйл смотрел на него, но ничего не отвечал. Наконец, выцеживая слова, полные ненависти, он сказал:

— Я был агентом Интерплана. Как уже говорил вам. Разве вы не записываете все, что я сказал? Прокрутите видео для вашего босса и оставьте меня в покое.

Он закрыл глаза, и холодный блеск исчез. Макклейн мгновенно почувствовал облегчение. Лов тихо сказал:

— Это жесткий человек, мистер Макклейн.

— Он таким не будет, — ответил Макклейн. — Когда мы сделаем так, что он опять потеряет цепочку памяти, он будет таким же кротким, как и раньше.

Затем он повернулся к Куэйлу:

— Итак, вот почему вы очень хотите полететь на Марс.

Не открывая глаз, Куэйл сказал:

— Я никогда не хотел туда лететь. Но я получил задание и поэтому был там. Ну да, конечно, мне было интересно, а кому не интересно?

Он опять открыл глаза и обвел всех присутству-

ющих, остановив взгляд на Макклейне.

— Отличное средство у вас здесь: оно растормошило мою память о тех вещах, которые я полностью забыл.

Он замолчал, задумавшись.

— Интересно, а что же Кирстен? — сказал он сам себе. — Наверное, она знает об этом. И как связная Интерплана следит за мной… чтобы у меня не восстановилась память. Неудивительно, что она так смеялась, когда я говорил, что туда полечу.

Он слабо улыбнулся. Но эта улыбка понимания почти сразу же исчезла.

— Пожалуйста, поверьте мне, мистер Куэйл, — сказал Макклейн, — мы обнаружили это случайно. В нашей работе…

— Я вам верю, — сказал Куэйл. Он, казалось, устал. Наркотик захватывал его все глубже и глубже.

— Где, я сказал, был? — пробормотал он. — На Марсе? Трудно вспомнить. Я… Мне хотелось бы его увидеть, как и всем другим. Но я… — Его голос стал замирать. — Просто клерк, мелкий клерк.

Выпрямившись, Лов сказал своему начальнику:

— Он хочет, чтобы фальшивая имплантиро-

ванная память соответствовала его настоящему путешествию. А фальшивые мысли были бы настоящими. Он говорит правду: он под очень сильным действием наркидрина. В его голове с огромной силой выявилось это путешествие, по крайней мере, под сильным седативным средством. Но в нормальном состоянии он не вспоминает о нем. Кто-то в военной правительственной лаборатории стер его сознательные воспоминания. И все, что он знал, так это то, что полет на Марс означает что-то особенное для него, как, впрочем, и назначение тайным агентом. Этого они не могли стереть: это не память, а его желание, и, несомненно, оно и заставило его добровольно прийти к нам.

Другой техник Килер спросил Макклейна:

— Что нам делать? Прививать фальшивую модель на подлинную память? Никто не знает, какие будут результаты: он может вспомнить свое настоящее путешествие, которое смешается у него с внушенным. Возможно, также, что у него в голове будут сосуществовать две противоположные версии: что он летал на Марс и что он там не был; что он настоящий агент и что он таковым не является. Я думаю, что мы должны привести его в сознание, не наделяя его фаль-

шивой памятью, и выпроводить его отсюда: он становится опасным.

— Согласен, — сказал Макклейн. У него возникла мысль. — А вы можете предугадать, что он запомнит, когда окончится действие наркоза?

— Это невозможно, — сказал Лов. — Наверное, у него будут какие-то слабые отрывочные воспоминания о настоящем полете. И быть может, он будет сильно сомневаться в их достоверности и решит, что наша программа не удалась. Возможно, он вспомнит, что приходил сюда, это не сотрется… если, конечно, вы не захотите этого сделать.

— Чем больше мы возимся с этим человеком, — сказал Макклейн, — тем меньше мне это нравится. Нечего валять дурака: мы и так сглупили — или попали впросак — раскрыв настоящего агента Интерплана, имевшего столь великолепное прикрытие, что до сих пор даже он сам не знал, кем был, или, вернее, кто он есть. Итак, чем быстрее мы отделаемся от человека, назвавшегося Дугласом Куэйлом, тем лучше.

— Вы собираетесь помещать у него на квартире пакеты № 3 и № 63? — спросил Лов.

— Нет, — ответил Макклейн. — Я собираюсь вернуть ему половину денег.

— Половину? Почему только половину?

Макклейн сказал, запинаясь:

— Мне кажется, это будет удачным компромиссом.

Когда машина доставила его домой, в жилой квартал Чикаго, Дуглас Куэйл сказал себе: «Как хорошо быть опять на Земле!»

Его четырехнедельное пребывание на Марсе уже начало понемногу стираться из памяти, но он еще мысленно видел зияющие кратеры потухших вулканов, эрозию холмов, и чувствовал необычайную легкость движений и живость во всем теле. Там было царство пыли, и поэтому большую часть дня он должен был проверять и перепроверять свой портативный кислородный аппарат. Что касается живых форм, то на Марсе можно было найти небольшие серо-коричневые кактусы да червей.

Вообще-то он привез несколько видов марсианской фауны, протащил их контрабандой. В конце концов, они не представляли опасности: они не смогли бы жить на Земле в ее тяжелой атмосфере.

Он стал шарить в кармане пальто, чтобы найти коробку с марсианскими червями. Но вместо них вытащил конверт. К своему удивлению, он

обнаружил в нем деньги, 570 поскредов мелкими купюрами.

— Откуда они у меня? — спросил он себя. — Разве я не потратил их во время путешествия?

Вместе с деньгами из конверта выскользнула записка: «Половина платы удержана Макклейном». И дата. Стояло сегодняшнее число.

— Вспомни, — сказал он громко.

— Вспомнить что, мадам или мистер? — вежливо спросил его робот-водитель такси.

— У тебя есть телефонная книга? — потребовал Куэйл.

— Конечно, мадам или мистер.

Открылось отверстие, и в нем появилась миниатюрная телефонная книга.

— Это как-то странно пишется, — сказал Куэйл, листая страницы ее желтого раздела. Он почувствовал страх. — Вот это, — сказал он. — Отвези меня во Вспом. Инкорпорейтед. Я раздумал и не хочу ехать домой.

— Да, мадам или мистер, все зависит от вашего желания, — сказал робот, и поставил перед ним новенький блестящий видеотелефон.

Он набрал номер своей квартиры. Через некоторое время на экране возник миниатюрный, но отрезвляюще реальный образ Кирстен.

— Я был на Марсе, — сказал он ей.

— Ты пьян, — ее губы презрительно скривились. — Или еще того хуже.

— Сущая правда.

— Когда? — спросила оно его.

— Я не знаю, — он растерялся. — Я думаю, это был имитированный полет. Посредством одного из тех методов наложения искусственной или сверхфактической памяти.

— Ты действительно пьян, — сказала Кирстен уничижающим тоном и выключила аппарат. Он почувствовал, как к его лицу приливает кровь.

— Всегда один и то же тон, — сказал он себе в бешенстве. — Как будто она знает все, а я ничего. Что за брак у нас?

Через минуту такси остановилось перед современным, очень привлекательным небольшим зданием розового цвета, над которым бежали многоцветные неоновые буквы: Вспом. Инкорпорейтед.

Секретарша, шикарная блондинка, голая по пояс, вскочила от удивления, затем сказала:

— О, здравствуйте, мистер Куэйл. Как поживаете? Вы что-то забыли?

— Остаток своих денег, — ответил он.

Совсем овладев собой, девушка спросила:

— Денег? Я боюсь, вы ошибаетесь, мистер Куэйл. Вы приходили сюда, чтобы обсудить возможность вашего сверхфактического путешествия, но… — она пожала гладкими белыми плечами. — Как я понимаю, путешествие не состоялось.

— Я все помню, мисс, — сказал он. — И свое письмо во Вспом. Инкорпорейтед, с которого все началось. Я помню, как я пришел сюда, мою встречу с мистером Макклейном. Затем два техника из лаборатории взяли меня и ввели мне какое-то снотворное.

Он почувствовал бешенство.

— Тебя помню, — грубо сказал он. — Например, что твоя грудь была покрашена тогда в синий цвет (это запало мне в голову). И я помню обещание мистера Макклейна, что, если визит во Вспом. Инкорпорейтед останется в моей памяти, я полностью получу свои деньги обратно. Где мистер Макклейн?

После некоторого ожидания (возможно, они старались, как могли, оттянуть эту встречу) он опять сидел в кабинете перед огромным письменным столом из орехового дерева, точно так, как это было час тому назад.

— Ну и методы у вас, — сказал ехидно Куэйл. Его разочарование и обида были теперь огром-

ны. — Мое так называемое путешествие на Марс в качестве агента Интерплана представляется очень смутным и полным противоречий, но я ясно помню все свои переговоры с вами и вашими людьми. Вообще, мне бы лучше обратиться в Бюро по качеству.

Он вдруг разозлился, так как почувствовал, что его обманули, и его обычный страх перед публичными скандалами исчез.

Макклейн был мрачен и в то же время настороже.

— Мы сдаемся, Куэйл, — сказал он. — Мы отдадим все ваши деньги. Я полностью признаю тот факт, что мы ничего не смогли для вас сделать.

Его тон был сдержанным.

— Вы даже не снабдили меня различными предметами, которые, как вы говорили, должны служить «доказательствами», что я был на Марсе, — сказал Куэйл. — Все эти ваши прыжки и ужимки не дали ничего конкретного. Ни корешка от билета. Ни одной открытки. Ни справок о прививках. Ни…

— Послушайте, Куэйл, — сказал Макклейн. — Предположим я бы сказал вам… — Он вдруг замолчал. — Ну, пускай будет так. — Он нажал кнопку аппарата связи. — Ширли, снимите со

счета еще 570 поскредов и напишите чек на имя Дугласа Куэйла. Спасибо.

Он отпустил кнопку, затем посмотрел на Куэйла.

Вскоре появился чек, секретарша положила его на стол перед Макклейном и немедленно скрылась, оставляя наедине мужчин, которые все еще пристально смотрели друг на друга через массивный стол.

— Позвольте дать вам совет, — сказал Макклейн, подписывая чек и передавая его Куэйлу. — Ни с кем не обсуждайте ваш недавний полет на Марс.

— Какой полет?

— Вот в том-то и дело, — продолжал Макклейн. — То путешествие, которое вы частично помните. Ведите себя так, как будто вы все забыли, притворитесь, что его вообще никогда не было. Не спрашивайте меня почему, просто воспользуйтесь моим советом, так будет лучше для всех нас. Ну, а теперь, мистер Куэйл, меня ждут дела и другие клиенты.

Он встал и проводил Куэйла до двери.

Открывая дверь, Куэйл сказал:

— Фирма, которая так плохо ведет дела, вообще не может иметь клиентов.

В машине по дороге домой Куэйл обдумывал свою жалобу в Бюро по качеству, отделение Земля. Как только он доберется до своей пишущей машинки, он сразу же примется за дело. Его долг предупредить других людей держаться подальше от Вспом. Инкорпорейтед.

Приехав домой, он сразу же сел за свою пишущую машинку. Открыв ящик стола в поисках копировальной бумаги, он заметил там маленькую знакомую коробочку. Ту самую, в которую тщательно собирал марсианскую фауну, а затем провозил контрабандой через таможню.

Открыв коробку, к своему изумлению, он увидел в ней шесть мертвых червей и несколько видов одноклеточных, которыми питались черви. Простейшие высохли и превратились в пыль, но он их узнал, потому что потратил целый день, собирая их среди огромных камней. Это было великолепное, полное открытий путешествие.

— Но я же не летал на Марс, — подумал он. — А с другой стороны…

В дверях комнаты показалась Кирстен, в ее руках была сумка с покупками.

— Почему ты днем дома?

В полной тишине ее голос звучал монотонно и обвиняюще.

— Я летал на Марс? — спросил он ее. — Ведь ты должна была бы знать.

— Нет, конечно, не летал и ты это тоже знаешь. Разве ты не ноешь все время о том, что хочешь туда попасть?

— Господи, но я думаю, что я уже был там. — Затем, помолчав, добавил: — И в то же время я думаю, что там не был.

— Разберись…

— Как я могу? — Он начал размахивать руками. — В моей голове два типа памяти: одна — настоящая, другая — фальшивая. Но я не понимаю, какая из них подлинная, а какая — нет. Почему я не могу с тобой посоветоваться? Ведь над тобой они не работали?

По крайней мере она могла бы сделать для него хотя бы это.

Ровным сдержанным голосом Кирстен сказала:

— Дуг, если ты не прекратишь, у нас все кончено. Я от тебя уйду.

— Я попал в беду, — его голос стал грубым и резким, начал дрожать. — Возможно, это как-то не так, но… все быть может. Как-то все это в конце концов объяснится.

Поставив сумку, Кирстен пошла к шкафу.

— Я не шучу, — сказала она спокойно. Выта-

щив из шкафа пальто, она надела его и пошла к входной двери. — Я позвоню тебе как-нибудь на днях, — сказала она безразлично. — А сейчас прощай, Дуг. Надеюсь, ты как-нибудь выкрутишься, желаю тебе этого. Ради тебя же самого.

— Подожди, — сказал он с отчаянием в голосе. — Только скажи мне, разъясни раз и навсегда: я был там или не был — скажи.

Но ведь они могли изменить и ее память, вдруг осознал он.

Дверь закрылась, его жена ушла. Наконец!

Голос за его спиной сказал:

— Ну вот так. А теперь: руки вверх, Куэйл. И пожалуйста, повернитесь и смотрите в эту сторону.

Он инстинктивно повернулся, не поднимая рук.

Человек, которого он увидел перед собой, был в форме полиции Интерплана. Почему-то Куэйлу показалось, что он знает его, что тот был ему знаком, но где и когда он его видел, вспомнить не мог. Память его была как-то искажена. Вздрогнув, он, наконец, поднял руки.

— Вы помните свое путешествие на Марс? — спросил полицейский. — Мы знаем все ваши действия сегодня и все ваши мысли. Особенно очень важные мысли по дороге домой из Вспом.

Инкорпорейтед. В ваш череп, — объяснил он, — врастили телепатопередатчик: он постоянно нас информирует.

Телепатический передатчик, созданный из живой памяти, открытой когда-то на Луне. Он содрогнулся от омерзения. Эта тварь живет внутри него, в его собственных мозгах, снабжая их информацией, подслушивая и донося на него. Интерплан использовал их для своих нужд, это была сущая правда.

— Почему именно я? — спросил Куэйл сиплым голосом. Что он сделал или о чем подумал? И какая связь со Вспом. Инкорпорейтед?

— В принципе, — сказал полицейский из Интерплана, — между Вспом. и вами нет никакой связи, но она есть между вами и нами. — Он постучал себя по правому уху. — Я все еще слежу за вашей мыслью через мозговой передатчик.

У него в ухе Куэйл увидел маленькую пластиковую пробку.

— Итак, я должен вас предупредить: все, о чем вы думаете, может обернуться против вас. — Он улыбнулся. — Но не это сейчас важно: вы уже об этом думали и говорили в забытьи. Нас, главным образом, волнует тот факт, что под воздействием наркидрина во Вспом. Инкорпорейтед вы расска-

зали техникам и владельцу, мистеру Макклейну, о вашем путешествии — куда вы ездили, для кого, кое-что о том, что вы делали. Они очень напуганы. Они жалеют, что познакомились с вами. — Затем он задумчиво добавил: — И они правы.

— Я никогда никуда не ездил, — сказал Куэйл. — Это всего лишь цепь фальшивой памяти, неправильно заложенной в меня техниками Макклейна.

Но затем он вспомнил о коробке с марсианскими живыми организмами. И с каким трудом он собирал их. Память об этом была реальной. Да и сама коробка, ведь она реальная. Разве что Макклейн мог подбросить ее? Возможно, это было одно из «доказательств», о котором он болтал.

«Память о моем путешествии на Марс, — подумал он, — меня не убеждает. Но к сожалению, она убедила полицейское агентство Интерплана. Оки думают, что я действительно был на Марсе, и считают, что я частично осознаю это».

— Мы не только знаем, что вы были на Марсе, — сказал полицейский, отвечая на его мысли, — но и то, что теперь вы достаточно вспомнили, чтобы быть опасным для нас. Бесполезно стирать все это из вашей памяти, потому что вы опять явитесь во

Вспом. Инкорпорейтед, и все начнется сначала. Мы ничего не можем сделать с Макклейном и его операцией, потому что обладаем юрисдикцией только над нашими людьми. Во всяком случае, Макклейн не совершил преступления. — Он пристально разглядывал Куэйла. — Вы ведь шли во Вспом. Инкорпорейтед не для того, чтобы восстановить вашу память. Как и другие простые люди, вы искали приключений. Но, к сожалению, вы не простой, у вас и так было слишком много приключений, чтобы идти во Вспом. Инкорпорейтед. Вы не могли сделать ничего более убийственного для вас и для нас. Да в этом случае — и для Макклейна.

— Почему это «опасно» для вас, если я буду помнить о моем путешествии — якобы путешествии? — спросил Куэйл.

— Потому что то, что вы там делали, не соответствует облику Большого белого отца, который всех защищает, — ответил полицейский Интерплана. — Вы сделали для нас то, что мы сами никогда не смогли бы сделать, о чем вы в настоящее время и вспомнили, благодаря наркидрину. Эта коробка с мертвыми червями и водорослями лежала у вас в столе шесть месяцев, с тех пор как вы вернулись на Землю. И вы ни разу не

подумали о ней. Мы даже не знали, что она у вас есть, пока вы не вспомнили о ней по дороге из Вспом. Инкорп. Тогда мы поспешили сюда, чтобы взглянуть на нее. Но, к сожалению, не успели.

К нему присоединился другой полицейский Интерплана. Они стали о чем-то совещаться. А тем временем Куэйл задумался. Теперь он стал вспоминать другие эпизоды: полицейский был прав относительно наркидрина. Они в Интерплане, возможно, сами использовали его. Возможно? Он был уверен, что это так; он видел как его вводили заключенному. Где же это было? Где-то на Земле? Скорее на Луне, решил он. И из глубин его ущербной памяти стал возникать образ.

Он вспомнил еще кое-что. Причину его посылки на Марс и ту работу, которую он там делал. Неудивительно, что они стерли его память.

— О господи, — сказал первый полицейский, прерывая свой разговор с другим. Очевидно, он поймал мысль Куэйла. — Ну, теперь дело совсем осложняется, хуже некуда.

Он подошел к Куэйлу, приставив к его груди оружие.

— Мы должны вас убить, — сказал он. — Прямо здесь и сейчас.

— Зачем же здесь? — взволнованно спросил

другой. — Разве мы не можем отвезти его в Интерплан в Нью-Йорке и передать им?

— Он знает, почему именно сейчас, — ответил первый.

Он тоже был взволнован, понял Куэйл, но совсем до другим причинам. Его память теперь почти полностью восстановилась. И он прекрасно понимал напряжение офицера.

— На Марсе, — сказал хриплым голосом Куэйл, — я убил человека, обойдя пятнадцать его телохранителей. Некоторые из них были вооружены тем же оружием, что и вы.

В течение пяти лет его тренировали в Интерплане, делая из него профессионального убийцу. Он знал способы устранения вооруженных противников, подобных этим двум полицейским. И тот, у которого был подслушивающий аппарат, тоже знал это.

Что если он быстро отскочит?

Пистолет выстрелил. Но он уже отскочил, одновременно сбивая с ног полицейского с пистолетом. Через мгновение он овладел оружием и приставил его к груди другого.

— Он подслушал мои мысли, — сказал Куэйл, задыхаясь. — Он знал, что я собираюсь делать, но я все-таки одолел его.

Приподнимаясь с полу, полицейский простонал:

— Он не сможет использовать это оружие против тебя, Сэм, я его прослушиваю. Он знает, что с ним все кончено, и он знает, что мы это знаем тоже. Будет вам, Куэйл!

Простонав от боли, он медленно поднялся и протянул руку.

— Оружие, — сказал он Куэйлу. — Вы не выстрелите. Если вы вернете оружие, гарантирую, что не буду вас убивать. Вас выслушают, и кто-нибудь важнее Интерплана будет решать вашу дальнейшую судьбу, а не я. Быть может, это еще сильнее сотрет вашу память, я не знаю. Но вы знаете, за что я собирался вас убить. Я не мог удержать вас от ваших воспоминаний. Причина, по которой я хотел вас уничтожить, в каком-то смысле осталась уже в прошлом.

Сжимая оружие, Куэйл бросился из квартиры, направляясь к лифту. («Если вы пойдете за мной, — подумал он, — я вас убью. Лучше оставайтесь на местах».)

Он нажал кнопку лифта и через минуту уже ехал вниз.

Полицейские не последовали за ним. Очевидно, они услышали его краткие напряженные мысли

и решили не рисковать. Но что делать дальше? Куда идти?

Выйдя из лифта, он сразу же очутился на улице, смешавшись с толпой пешеходов. Его подташнивало, и болела голова. Но, по крайней мере, он избежал смерти, они собирались его убить прямо на месте, в собственной квартире.

И, возможно, они опять будут пытаться это сделать, решил он, когда меня найдут. А с передатчиком в башке это скоро случится.

Как ни смешно, но он получил именно то, о чем просил Вспом. Инкорпорейтел. Приключения, гибель, преследование полицией Интерплана, тайный, полный опасностей полет на Марс, где его жизнь была поставлена на карту — все это он хотел приобрести благодаря фальшивой памяти. Только теперь он оценил ее преимущества, ведь это была бы просто память, и ничего больше.

Сидя на скамейке в парке, он тупо наблюдал за стаей птиц. Это были полуптицы, завезенные сюда с марсианских лун. Они были способны на космический полет и могли преодолевать даже огромное земное притяжение.

— Может быть, я смогу вернуться на Марс, — подумал он. — А что потом? На Марсе может оказаться еще хуже: политическая организация,

лидера которой я убил, обнаружит меня, как только я выйду из межпланетного корабля. Тогда за мной будут охотиться и Интерплан, и они.

«Вы слышите, о чем я думаю?» — поинтересовался Дуглас.

Так можно было сойти с ума. Сидя в одиночестве, он чувствовал, как они настраивались на него, проверяли, записывали и обсуждали… Он содрогнулся, встал и бесцельно побрел. «Не важно куда я иду, вы всегда будете со мной. Пока в моих мозгах сидит это устройство».

«Я разделаюсь с вами, — подумал он для того, чтобы его услышали. — Сможете ли вы опять вложить в меня фальшивую память, как вы делали до этого, чтобы я снова стал средним обывателем и прозябал в этой жизни, и никогда бы не летал на Марс, и никогда не носил формы Интерплана, и не держал в руках оружия?»

Голос в его голове ответил: «Вам уже объяснили: теперь этого было бы недостаточно».

Он остановился от удивления.

— Мы так связывались с вами и раньше, — продолжал голос. — Когда вы работали на Интерплан на Марсе. Прошли месяцы с того времени, как мы выходили на связь в последний раз. Вообще-то мы думали, что нам это больше никогда не пона-

добится. Где вы находитесь?

— Иду, — сказал Куэйл, — за своей смертью. «От вашего оружия», — добавил он в мыслях.

— Почему вы считаете, что теперь этого было бы недостаточно? — спросил он. — Разве методы Вспом. не действуют?

— Как мы уже сказали, если вам дать набор стандартной средней памяти, вы будете… беспокоиться. И неизбежно придете во Вспом. или в другую подобную фирму. Вы не можете пройти через это второй раз.

— Предположим, — сказал Куэйл, — что моя подлинная память аннулирована. Тогда было бы лучше насадить какие-нибудь более живые воспоминания, а не просто стандартные. Что-нибудь такое, что удовлетворяло бы мое стремление к приключениям. Ведь ясно, что вы наняли меня именно поэтому. Вам следовало бы подобрать мне что-либо подходящее. Например, воспоминания о том, что я был самым богатым человеком на Земле, но затем отдал все свои деньги в фонд образования. Или что я был знаменитым исследователем космического пространства. Что-нибудь в этом роде. Разве это не подошло бы?

Наступило молчание.

— Попробуйте, — сказал он с отчаянием в

голосе. — Заставьте одного из ваших ведущих психиатров исследовать мой мозг… Найдите мою самую заветную мечту. — Он пытался подумать. Женщины, их тысячи, как у Дон Жуана. Межпланетный плейбой — девушки в каждом городе на Земле, Луне и Марсе. Но я их всех бросил. Слишком утомительно. — Пожалуйста, — молил он, — попробуйте.

— Тогда вам нужно добровольно сдаться, — сказал голос внутри него. — Мы согласимся на это, если конечно, это возможно.

— Да. Я рискну поверить в то, что вы меня не убьете, — ответил он после паузы.

— Сделайте первый шаг, — сказал голос, — приходите к нам. И мы найдем возможный вариант. Но если мы не сможем сделать этого, если ваша подлинная память начнет, как это уже было, вылезать, то тогда… — Наступило молчание, затем голос продолжил: — Мы должны будем вас уничтожить, как вы понимаете. Ну, Куэйл, вы все еще хотите попробовать?

— Да, — сказал он. Потому что альтернативой была верная смерть. По крайней мере, у него была надежда, хотя и очень слабая.

— Приезжайте в главное здание в Нью-Йорке, — сказал голос полицейского из Интерплана. — Дом

№ 580 на Пятой авеню, 12-й этаж. Как только вы сдадитесь, наши психиатры начнут с вами работать: мы сделаем тесты на облик вашей личности. Мы попытаемся определить вашу конечную фантастическую мечту — затем мы привезем вас во Вспом. Инкорпорейтед, расскажем им о ней и воплотим ее в суррогат памяти. Ну, желаем удачи. Все-таки мы ваши должники. Вы были хорошим орудием в наших руках.

В голосе не было злости. Несмотря ни на что они испытывали к нему симпатию.

— Благодарю, — сказал Куэйл и начал искать такси-робота.

* * *

— Мистер Куэйл, — сказал пожилой серьезный психиатр из Интерплана, — у вас интереснейшая мечта-фантазия. Ничего такого, о чем вы сознательно мыслите или даже способны предположить. Это, конечно, выход, и я надеюсь, вас не очень расстроит, когда вы о ней узнаете.

Присутствовавший здесь же старший офицер Интерплана быстро и порывисто сказал:

— Он не будет расстраиваться, ведь он же не хочет быть убитым.

— Это не похоже на вашу мечту быть агентом

Интерплана, — продолжал психиатр, — которая, собственно говоря, является продуктом вашего зрелого возраста. А эта — продукт вашего детства, неудивительно, что вы не можете восстановить ее в памяти. Ваша фантазия такова: вам девять лет, вы идете по деревенской улице. Вдруг перед вами приземляется неизвестный космический корабль из другой галактики. Кроме вас, мистер Куэйл, никто на Земле его не видит. Существа, находящиеся в нем, очень маленькие и беззащитные, что-то вроде полевых мышей, но они хотят завоевать Землю, как только этот первый корабль подаст им сигнал.

— И предполагается, что я остановлю их, — сказал Куэйл, испытывая смешанное чувство изумления и отвращения. — Я сотру их голыми руками в порошок. Или растопчу их ногой.

— Нет, — терпеливо отвечал психиатр. — Вы остановите захватчиков, не разрушая их. Вместо этого вы будете добры и милосердны, затем путем телепатии — это их способ общения — вы узнаете их цель. Раньше они никогда не встречали таких человеческих черт в других чувствующих организмах, и чтобы выразить свою признательность, они заключат с вами договор.

— Они не нападут на Землю, пока я жив? —

спросил Куэйл.

— Совершенно верно.

Офицеру Интерплана он сказал:

— Вот видите, это вписывается в его личность, несмотря на его показное презрение.

— Итак, лишь одним своим существованием, — сказал Куэйл, чувствуя как растет в нем удовольствие, — только потому, что я живу, я охраняю Землю от пришельцев. В таком случае, я становлюсь важной персоной на Земле, не пошевелив даже пальцем.

— Вот именно, сэр, — сказал психиатр. — И это основа вашей психики, это ваша извечная детская фантазия, которую без глубинной лекарственной терапии вы бы никогда не вспомнили. Но она всегда жила в вас, хотя и ушла в подсознание.

— Сможете ли вы имплантировать такую необычную модель сверхфактической памяти? — спросил старший офицер Макклейна, который тоже внимательно слушал психиатра.

— Мы изготавливаем любые типы памяти, — сказал Макклейн. — Честно говоря, я слыхал и похуже. Ну, конечно, мы ее сделаем. Через двадцать четыре часа он не будет желать спасти Землю, он будет фанатично верить, что это дей-

ствительно произошло.

— Тогда начинайте работу, — сказал офицер. — В качестве подготовки мы уже стерли его память о полете на Марс.

— О каком полете? — спросил Куэйл.

Ему никто не ответил, вопрос так и повис в воздухе.

Тут появилась скоростная полицейская машина, они сели в нее и помчались по направлению к Чикаго во Вспом. Инкорпорейтед.

— На этот раз вам лучше не ошибаться, — сказал в машине офицер взволнованному, нахохлившемуся Макклейну.

— Не вижу, как это могло бы случиться, — пробормотал тот, покрывшись испариной. — Теперь нет никакой связи с Марсом и Интерпланом. Всего-навсего голыми руками остановить вторжение на Землю пришельцев из другой галактики. — Он покачал головой. — Ну и мечты бывают у детей! Да еще путем добродетелей, а не силой. В этом есть что-то утонченное.

Он вытер пот большим льняным платком. Все молчали.

— В общем, это трогательно, — сказал Макклейн.

— Заносчиво и самонадеянно, — резко ответил

офицер. — Ведь как только он умрет, сразу же начнется вторжение. Неудивительно, что он не вспоминает об этом: это самая грандиозная фантазия, которую я когда-либо слышал. — Он неодобрительно рассматривал Куэйла. — Подумать только, и мы нанимали этого человека к себе на работу.

Когда они приехали во Вспом. Инкорпорейтед, секретарша Ширли встретила их, затаив дыхание.

— Добро пожаловать, мистер Куэйл, — защебетала она, ее круглые груди были покрашены в ярко-оранжевый цвет и вздымались от волнения. — Извините, в прошлый раз все так плохо вышло. Сегодня, я уверена, все будет хорошо.

Все еще прикладывая носовой платок к блестящему лбу, Макклейн бормотал: «Лучше, лучше».

Двигаясь с необычной быстротой, он вызвал Лова и Килера и отправил их вместе с Куэйлом в рабочие помещения, а затем вернулся обратно и вместе с Ширли и полицейским и стал ждать.

— У вас есть пакет специально для этого случая, мистер Макклейн? — спросила Ширли, в волнении натыкаясь на него и краснея.

— Думаю, что есть. — Он попытался что-то вспомнить, затем решил взглянуть в картоте-

ку. — Комбинация из пакетов № 81, № 20 и № 6.

Из углубления за письменным столом он вытащил нужные пакеты и понес их на стол.

— Из № 81, — сказал Макклейн, — мы дадим ему магический целебный жезл, который подарили ему, то есть пациенту, в нашем случае мистеру Куэйлу, пришельцы из другой галактики в знак своей благодарности.

— А он действует? — поинтересовался офицер.

— Когда-то действовал, — объяснил Макклейн. — Но он, видите ли, он лечил всех направо и налево, вот и израсходовал его за эти годы. Теперь целебный жезл — только воспоминание. Но он помнит, как прекрасно он работал раньше.

Он захихикал, затем открыл пакет № 20.

— Документ от Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, он благодарит его за спасение Земли (но это не точно соответствует фантазии Куэйла, потому что согласно ей только он знает о вторжении на Землю). Но ради правдоподобия, мы и это сунем.

Затем он исследовал содержимое пакета № 6.

— Что можно взять отсюда? — Он не мог вспомнить, нахмурившись, рылся в пластиковом пакете, а Ширли и офицер внимательно наблюдали за ним.

— Письмо, — сказала Ширли, — на странном языке.

— В нем говориться, кто они такие, — подхватил Макклейн, — и откуда прилетели, включая подробную карту звездного неба с маршрутом их полета из другой галактики. Конечно, это все на их языке, поэтому он не может прочесть. Но он помнит, как они читали ему письмо на его родном языке.

Он положил три предмета на середину стола.

— Они будут доставлены в квартиру Куэйла, — сказал он офицеру. — Он придет домой и найдет их, что и будет подтверждением его фантазии. СОП — стандартная операционная процедура, — Он засмеялся, думая о том, как идут дела у Лова и Килера. Загудел аппарат связи.

— Мистер Макклейн, извините, что беспокою, — это был голос Лова. Он узнал его и застыл от ужаса…